

„Раннее Утро“, гор. Москва.
1910 г. 14 февраля.

СЪВЕРНАЯ ПРИНЦЕССА.

(СЪ БЕРЕГОВЪ НЕВЫ).

12 февраля.

Ничто не идет на умъ -- съ того дня, какъ пришла вѣсть о смерти Коммиссаржевской. До чего обидная и жестокая утрата! Коммиссаржевская -- и Ташкентъ! Что общаго?

Въ исторіи театра есть одна смерть, напоминающая по внѣшней обстановкѣ нашу жгучую утрату. Я говорю объ Олриджѣ. Знаменитый негръ, единственный, недостижимый Отелло, умеръ въ Лодзи... Среди лѣса фабричныхъ трубъ польско-нѣмецкаго города, на чухломъ каменистомъ кладбищѣ спитъ онъ вѣчнымъ сномъ... Родиться съ кровью знойной Африки, пройти цѣлый свѣтъ въ лучахъ славы -- и найти послѣдній приютъ въ далекой имперіи Сѣвера, въ городѣ равнодушныхъ торгашей!.. Нѣтъ на кладбищѣ Лодзи болѣе трогательной, болѣе одинокой могилы...

Смерть Коммиссаржевской въ пыльномъ Ташкентѣ -- столь же трогательна и одинока. Коммиссаржевская и Азія... Какой контрастъ! Коммиссаржевская была настоящая дочь сѣвера, принадлежала ему съ головы до ногъ, отражала его всѣми гранями своей тонкой многострунной души!..

Почему же Ташкентъ?.. Неужели ее могутъ похоронить въ Ташкентѣ? Еще только сегодня говорили, что ее не позволяютъ привезти въ Петербургъ изъ-за опасенія заразы...

Но неужели, неужели ее оставить въ Ташкентѣ? Бѣдная сѣверная принцесса, бѣдная Нора и Гедда Габлеръ -- зачѣмъ попала она туда?.. Зачѣмъ этому чуждому городу достался ее послѣдній вздохъ, зачѣмъ судьба постигла ее тамъ, гдѣ даже не могли понять, кого надо спасать, какъ надо за нее бороться?!

Ужасно, ужасно!..

Бѣдная сѣверная принцесса! Она имѣла огромный талантъ -- и ни капельки счастья... Ее, какъ хрупкій драгоценный сосудъ, надо было беречь и лелѣять, а между тѣмъ, жизнь вытолкнула ее на распутиѣ и -- какъ Вѣчному жиду -- повелѣла:

— Иди!

И всѣ почти годы -- съ тѣхъ поръ, какъ ярко расплѣлъ ее дивный талантъ, она скиталась, искала -- и не знала покоя... Теперь, когда она умерла, для насъ ясно, что ей мѣсто было -- на казенной образцовой сценѣ, что тамъ ее чудному таланту должны были дать увѣренность и почву, защиту отъ стихій, и бурь... Образцовая сцена должна была беречь Коммиссаржевскую, ибо не было другой, подобной ей, -- ибо нельзя было оставить жемчужину влачиться въ пыли...

Но кого это могло озабочивать? Триумфъ былъ неописуемый: такихъ овацій, такого восторга до того я не слышала въ Александринкѣ. Въ одинъ вечеръ Коммиссаржевская стала любимой, близкой, родной, -- и уже казалось, что Александринскій театръ осиротѣлъ бы, если бы не было ея...

Но -- такъ казалось только публикѣ, не знавшей, что въ казенныхъ театрахъ сантиментовъ не признаютъ. „Было бы болото, -- разсуждаютъ тамъ, -- а черти найдутся“. И какихъ только чертей ни встрѣтите въ Александринской труппѣ! Армія чиновниковъ отъ конторы муштруетъ чиновниковъ и чиновницъ отъ сцены -- и все идетъ великолепно, талантовъ мало, зато входящихъ и исходящихъ -- нѣсколько тысячъ въ годъ.

Многіе еще до сихъ поръ въ простотѣ думаютъ, что казенный театръ въ Петербургѣ -- есть академія славы, высшій этапъ сценической карьеры, хранилище всего, что есть лучшаго на Руси въ области сцены. Увы! -- ничего подобнаго. Ласковое тѣло и

райской стороны“. Учащаяся молодежь -- гимназисты и гимназистки -- бредили ею.

Черезъ годъ, въ весеннемъ сезонѣ, она впервые выступила въ Александринскомъ театрѣ, въ Петербургѣ. Мнѣ довелось быть на дебютномъ спектаклѣ. Шелъ „Бой бабочекъ“ -- и Коммиссаржевская играла роль Розы. Казалось, что огромный старый залъ, застыившій въ театальной рутинѣ и пологившій его „Крыловщинѣ“, вдругъ просвѣтлѣлъ и преобразился. Эта милая Роза -- гибкая хрупкая Роза -- какъ солнце сіяла вдохновеніемъ и обаятельной чистотой. Исчезла театральность, на мѣстѣ ея появилось божественное дивное искусство...

Триумфъ былъ неописуемый: такихъ овацій, такого восторга до того я не слышала въ Александринкѣ. Въ одинъ вечеръ Коммиссаржевская стала любимой, близкой, родной, -- и уже казалось, что Александринскій театръ осиротѣлъ бы, если бы не было ея...

Но -- такъ казалось только публикѣ, не знавшей, что въ казенныхъ театрахъ сантиментовъ не признаютъ.

„Было бы болото, -- разсуждаютъ тамъ, -- а черти найдутся“. И какихъ только чертей ни встрѣтите въ Александринской труппѣ! Армія чиновниковъ отъ конторы муштруетъ чиновниковъ и чиновницъ отъ сцены -- и все идетъ великолепно, талантовъ мало, зато входящихъ и исходящихъ -- нѣсколько тысячъ въ годъ.

Многіе еще до сихъ поръ въ простотѣ думаютъ, что казенный театръ въ Петербургѣ -- есть академія славы, высшій этапъ сценической карьеры, хранилище всего, что есть лучшаго на Руси въ области сцены. Увы! -- ничего подобнаго. Ласковое тѣло и

тамъ двухъ матокъ сосетъ, а кто не хочетъ свой геній застегнуть въ вицмундиръ, -- тотъ и не нуженъ. Пожалуйте -- съ! „Западная граница открыта!“... И -- было бы болото, а черти найдутся“...

Черезъ 5 лѣтъ Александринскій театръ выпустилъ Коммиссаржевскую. Ахъ, къ чему намъ Коммиссаржевская, къ чему намъ сѣверная принцесса: у насъ есть Тираспольская на случай дождя и Тиме по случаю благопріятія и Стравинская -- совсѣмъ подѣ генія, и еще многое-множество другихъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, а публика не запоминаетъ отъ спектакля до спектакля...

Коммиссаржевскую отпустили. И опять началась или, вѣрнѣе сказать, возобновилась полоса ея скитаній и исканій... Эти ее годы лучше всего можно охарактеризовать словами Нины Зарѣчной:

— Я -- чайка!.. Завтра, рано утромъ, ѣхать въ Елецъ, въ третьемъ классѣ, а въ Елецѣ -- образованные купцы будутъ приставать съ любезностями... Груба жизнь... Я теперь знаю, что въ нашемъ дѣлѣ главное -- не слава, не блескъ, не то, о чемъ я мечтала, -- а умѣнье терпѣть...

О, и сколько же она терпѣла! Большая публика еще не скоро узнаетъ всю исторію тернистаго пути Коммиссаржевской. Въ ее жизни еще и еще разъ оправдалось, что для большихъ своеобразныхъ натуръ слишкомъ тѣсны рамки общепринятости.

Между прочимъ, Коммиссаржевская, кажется, была единственная актриса, основавшая театръ не на мужскія деньги. У насъ антреприза женщины непременно имѣетъ за кулисами содѣлателя, который пишетъ чеки.

Нефтепромышленникъ, интендантъ или просто Ромео первой гильдіи, расшвыривающій тятенькино наслѣдство, -- что-нибудь въ этомъ родѣ подразумевается всегда.

Коммиссаржевская взялась за большое дѣло на собственный страхъ -- и цѣлый рядъ лѣтъ выносила его на своихъ хрупкихъ плечахъ одна-одинешенька... Это не мѣшаетъ помянуть особенно теперь, когда содержание заполонило чуть не всю нашу сцену. Большія театральныя агентства теперь беззащитно устраиваютъ ангажементы и гастроли главнымъ образомъ содержанкамъ, такъ какъ получаютъ отъ нихъ великолѣпный куртажъ, а антрепренеры рады, получая исполнительницъ -- чуть не даромъ... Въ такое „содержанкинское время“ нести цѣлый театръ на своихъ плечахъ -- было большимъ подвигомъ Коммиссаржевской.

Въ ее исканіяхъ было много ошибокъ и порывовъ и одинъ періодъ „Мейерхольдін“ чуть совсѣмъ ее не обезцвѣтилъ. Но она во-время сбросила гипнозъ, чтобы спасти свой талантъ, хотя -- увы! -- уже было слишкомъ поздно, чтобы спасти дѣло.

Впрочемъ, и безъ „Мейерхольдін“ Коммиссаржевскую подстерегало разореніе. Вести театральное дѣло безъ убытка при нынѣшнихъ профессиональных и бытовыхъ условіяхъ въ Россіи невозможно.

Достаточно сказать, что одна газетная публикація для театра обходится въ Петербургѣ до 150 руб. въ день. А театръ, который захочетъ уклониться отъ этого налога, -- очень скоро почувствуетъ, что „хрѣнъ рѣдки не слаще“: три четверти прессы вдругъ совершенно перестанутъ о немъ пи-

сать, его просто вычеркнутъ изъ списка существующихъ -- и это еще будетъ лучший исходъ, ибо случается, что начинается и прямая травля...

Разореніе заставило Коммиссаржевскую почти цѣлыхъ два года непрерывно скитаться по Россіи -- и даже ѣхать въ Америку... Немногого уже не хватало, чтобы она могла возвратиться въ Петербургъ... И вдругъ -- эта жестокая, неожиданная, безкомпромиссная смерть...

— Я -- чайка!..

Да, чайкой -- безпокойной, невѣдомо откуда прилетѣвшей блеснула она на нашемъ сѣромъ горизонтѣ -- съ трепетной пѣсней печальной сѣверной души... Какъ чайка, билась она среди грубой жизни -- и когда говорила своимъ глубокимъ захватывающимъ голосомъ о страданіи, -- мы плакали вѣстисъ ней... Но мы оставляли ее одну -- и въ распутицу и непогоду металась она по Россіи, борясь за дорогое искусство... Многіе ли знаютъ, что она стала бродячей актрисой только для того, чтобы собрать деньги -- и опять воздвигнуть храмъ искусства въ Петербургѣ?..

Но хрупкія плечи не выдержали... Угасла чайка -- вдали отъ родныхъ сѣверныхъ ночей и бѣлыхъ снѣговъ, угасла на чужбинѣ -- среди песковъ знойнаго Ташкента... Безсильно распростерты серебряныя крылья... Больше уже имъ не трепетать...

И никто уже не увидитъ сѣверной принцессы... И никто уже не услышитъ дивной и печальной пѣсни чайки -- среди грубой жизни -- о божественной красотѣ...

СНИТАЛЕЦЪ.